

АЛАНТИР

ԻՆԴԻԱՆԻՏԻՆԻԷՏՐԻԳԻԼԻՆԿԻ
ՇԼՐԻՆԻԿԻՆԻՇԽՐԻՐԻՆԻՆԻԷՏՐԻ

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

№ 20

ЗИМА 2000

:: ի րՇարմ ::

:: ի րմա րՇղյմա :

: խրժի ևմարմրմ ::

ВНОМЕРЕ:

Толкинисты мира. Кристофер Руэл Толкин.	3
Из писем Толкина. Письмо №131 (Перевод Золтана Бардинга). . .	4
Сарати Румила. (Пер. Гириона).	12
АЦУР и ТИНМЕГИЛЬ ПАЛЛАНДО. Неллата (фрагмент). . .	15
Дж.Р.Р.Толкин. Oilima Markirya. 'The Last Ark'.	27

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 20 2000

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Тлорин Эйкинскьялди

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: eondil@mail.ru zoltan@home.ru 2:5030/1171.35@FidoNet
Наши сайты: <http://palantir.da.ru>,
<http://esgaroth.chat.ru>, <http://www.tolkien.spb.ru>

Copyright ©2000, Толкиновское Общество СПб
Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами.
Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского
Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Кристофер Руэл Толкин

В Ноябре 1924 года у Эдит и Рональда родился третий сын - Кристофер (названный так в честь Кристофера Вайзмана - лучшего друга Толкина) и получивший при крещении имя Кристофер Руэл. Он вырос на севере Оксфорда и учился в школах Дрэгон и Орэитори.

С детства он любил слушать волшебные истории своего отца, в начале 1930х был единственным слушателем его легенд о ранней истории Средиземья. Для Кристофера и его братьев был написан "Хоббит", а в написании "Властелина Колец" он и сам принимал участие - рисуя карты и переписывая начисто целые главы.

В начале сороковых он поступил в Оксфорд и встречался с Инклингами. Но его учеба была прервана Второй Мировой войной. Кристофер служил в Королевских ВВС, в Южной Африке. Его отец регулярно присылал ему свежие главы "ВК".

После войны Кристофер Руэл вернулся в Оксфорд и под руководством Льюиса изучал английский. Постепенно он становился полноправным Инклингом - ему даже поручили читать вслух все новые части "ВК", признав, что он делает это лучше своего отца.

В течении пятидесятих Кристофер работал лектором и преподавателем в Оксфорде на факультете английского. Тогда же он стал бакалавром литературы. Вместе с Нэвилем Когхиллом редактировал Чосеровские *Pardoner's Tale* (Harrap, 1958), *Nun's Priest's Tale* (Harrap, 1959), *Man of Law's Tale* (Harrap, 1969). Часть своей научной работы он опубликовал в 1960 году как *The Saga of King Heidrek the Wise* (Thomas Nelson & Sons).

Осенью 1963 года Кристофер Толкин был избран в члены Братства Нью-Колледжа, Оксфорд и начал читать лекции по Англо-Саксонскому, Среднеанглийскому и Старонорвежскому языкам и литературе.

В 1975 году, спустя два года после смерти отца, Кристофер прекращает работу лектора, выходит из Братства и полностью погружается в работу по редактированию и изданию неизвестных работ Дж.Р.Р.Толкина. Под его редакцией выходят *Sir Gawain and the Green Knight*, *Pearl*, and *Sir Orfeo* (1975), *The Silmarillion* (1977), *Unfinished Tales* (1980), *The Monsters and the Critics and Other Essays* (1983). Тогда же, в 1983 году начата и до сих пор продолжается грандиозная работа по изданию черновиков Профессора под общим названием *The History of Middle-earth: I. The Book of Lost Tales Part 1, II. The Book of Lost Tales Part 2, III. The Lays of Beleriand, IV. The Shaping of Middle-earth, V. The Lost Road and Other Writings, VI. The Return of the Shadow, VII. The Treason of Isengard, VIII. The War of the Ring, IX. Sauron Defeated, X. Morgoth's Ring, XI. The War of the Jewels, XII. The Peoples of Middle-earth*.

Месяц назад Кристоферу Руэлу исполнилось 75 лет. Пожелаем же ему долгой жизни, крепкого здоровья и успехов в таком всем нам нужном труде.

Золтан Бардинг

ᄡᄢᄢ ᄡᄢᄢᄢ ᄢ ᄡᄢᄢ ᄢᄢᄢ ᄡᄢᄢ ᄡᄢᄢ :

Не все почувствуют это так сильно как я - ибо я обречен быть весьма чувствительным в этой области.

Но не менее сильной моею страстью изначально были мифы (не аллегории!) и волшебные сказки, и те героические легенды, что лежат на грани между историей и сказкой и которых так мало было в мире (доступных для меня). Я был новичком, прежде чем мысль и опыт не показали мне, что это не разнонаправленные интересы - противостоящие полюса науки и романтизма - но тесно связанные. Я не "изучал"* мифы и сказания, скорее искал в них особую атмосферу, особое звучание. Также - надеюсь, это не прозвучит глупо - я с ранних лет был уязвлен бедностью моей любимой родины; я не видел ни связанных с языком и землей сказаний, ни легенд сопоставимых по качеству с греческими, кельтскими, романскими, германскими, скандинавскими и финскими (оказавшими на меня большое влияние). Конечно, был и остается Артурианский мир - но, будучи мощным и великолепным, он все же не был полностью родным и был скорее связан с картой Британии, чем с английским языком. Он не смог заменить мне то, чего так не хватало. Во-первых, то, что называется "faerie", в нем слишком щедро, слишком фантастично, несвязно и повторно. Во-вторых и в главных - он переполнен Христианской религией.

По причинам, которые я не буду сейчас раскрывать, это кажется мне фатальным. И миф, и волшебная сказка должны, как любое искусство, содержать элементы морали и религиозные истины (или заблуждения), но не в явной, известной по первичному миру форме. (Конечно, речь идет о наших днях, а не о древних языческих, до-христианских. Я не буду повторять то, что сказал в своем эссе^В, которое Вы читали).

Вы, наверное, сочтете это смешным, но было время, когда я хотел создать цикл более-менее связанных легенд, от космогонических мифов до романтических сказок, поднимающихся до небес и твердо стоящих на земле, и которые я мог бы посвятить - Англии, моей родине. Они должны были быть насыщены чистым, холодным воздухом северо-запада (Британии и части Европы, а не Италии, Греции или Востока) и обладать (если бы я смог добиться этого) сказочной неуловимой красотой, которую некоторые называют Кельтской (хотя в подлинных древних кельтских вещах она крайне редка). Они должны были быть чистыми, высокими и поэтичными. Некоторые из них закончены, другие остались в черновиках и набросках. Идея была грандиозной и оставляла поле для других умов и рук, владеющих искусством живописи, музыки, драмы... Это, конечно, было невозможно осуществить.

Конечно, такой амбициозный проект возник не на пустом месте. Отдельные части уже были, росли в моем воображении отдельно друг от друга - и также росли и крепили связующие звенья. Моя мысль металась от подробностей жизни к лингвистике и обратно, работа постоянно прерывалась и я чувствовал, что должен все это записывать.

Разумеется я писал и другие вещи - особенно для своих детей.

Вырвавшиеся из захвата главной, ветвящейся темы, рассказы эти были абсолютно несвязанными: например, единственные напечатанные, "Лист кисти Ниггля" и "Фермер Джайлс". "Хоббит", в котором было больше жизненной силы, образовался неожиданно - когда я начал писать, то не предполагал, что стану продолжать. Но вдруг оказалось, что именно это и станет последним, связующим звеном, "приземлением" и слиянием с "историей". Как главные Легенды Начала были показаны с точки зрения Эльфов, так

*Хотя и думал о них достаточно много.

ᚷᚢᚱᚦᚢᚱᚢ ᚱᚦᚢᚱᚱ : ᚱᚢᚢ ᚼᚦᚢᚱᚦᚢ : ᚦᚢᚱ

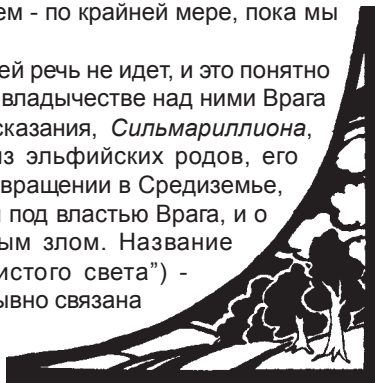
так мы называем наше восприятие истории, кем-то рассказанной), а потом как “реальность”. Если необходимы какие-то объяснения, замечу, что это способ объяснить существование прекрасных, благородных, сильных “богов” высокой мифологии - человеку, скажем прямо, верящему лишь в Благословенную Троицу.

Далее мы стремительно переходим к *Истории Эльфов* или *Сильмариллиону*, миру, который мы можем ощутить, но все еще в форме полу-мифа; сравнимый с нашим так же, как мы сравнимы с бессмертными существами. Знание Действа Творения неполно: как для каждого из “богов”, так и в сумме всего пантеона. Создатель не открыл всего - частично, чтобы скомпенсировать зло мятежника Мелкора; частично для окончательного и полного завершения всех деталей. Двумя главными тайнами было Создание и Природа Детей Господа. Было известно лишь, что они придут в назначенное время. Что они будут одновременно и похожи, и непохожи друг на друга; и что они иные, чем боги. Так как боги не участвовали в их создании, Дети стали объектом их особого внимания и любви; Эльфы, *Перворожденные*, и *Последовавшие*, Люди. Судьбой Эльфов стало бессмертие, любовь к красоте мира, его украшение и совершенствование; они живут, пока есть мир - и не покидают его даже погибнув - всегда возвращаясь. Когда придут Последовавшие, Эльфы будут учить их, творить им путь - и постепенно “исчезать из виду”, по мере роста Людей. Судьба, Проклятие (а может, и Подарок) Людей - смертность, свобода от кругов этого мира. Поскольку цикл легенд - эльфийский, то смертность никак не объясняется - это тайна Господа, никому не открытая, и потому вызывающая печаль и зависть к бессметным Эльфам.

Как я сказал, легенды Сильмариллиона необычны, так как в центре всех историй не Люди, а Эльфы. Конечно, и Люди в них появятся - в конце концов, автор - человек, пишет для людей, и в его историях должны быть Люди, какие они есть, а не в виде Эльфов, Гномов, Хоббитов и т.д. Все же Люди остаются второстепенными персонажами - пришедшими к концу и быстро растущими в важности - но не основными.

В космогонии есть падение - и это падение Ангелов, но форма очень отличается от таковой в Христианском мифе. Эти легенды “новые”, они никак не должны быть связаны с существующими - и, с другой стороны, должны быть наполнены древними мотивами и элементами. По большому счету, все мифы и легенды произошли от “правды”, и некоторые ее аспекты могут быть выявлены только через мифы; так годами скрытое за сказаниями неожиданно становится вновь живой правдой. Не может быть истории без “падения” - в общем, все они рассказывают о нем - по крайней мере, пока мы говорим о Человеке, какой он есть.

Итак, у Эльфов было падение. (Про падение Людей речь не идет, и это понятно - о них мы услышим гораздо позже, в виде слухов о владычестве над ними Врага и раскаянии некоторых из них). Основная часть сказания, *Сильмариллиона*, рассказывает о падении наиболее одаренного из эльфийских родов, его изгнании из Валинора (род рая, жилище богов), возвращении в Средиземье, где они родились - но которое уже давно находится под властью Врага, и о войне с ним, все еще являющимся воплощенным злом. Название происходит от слова *Сильмарилли* (“сияние чистого света”) - чистейших драгоценных камней, чья судьба неразрывно связана со всеми событиями рассказа. То, что творчество

ԼԵՐԵՆ : ՆՅԻՆ ՉՅԵՇԻՇ : ՎԵՐ ԵԵՅՇԻՇ Բ

Эльфов состоит в создании драгоценных камней очень символично, но Сильмарилли - это больше чем красивые камни. Они были Светом. Они были Светом Валинора, сиявшим в Двух Древах, Серебряном и Золотом*. Они были уничтожены злобой Врага, и Валинор омрачился - но перед тем, как окончательно погибнуть, они дали свет Солнцу и Луне. (Следует отметить разницу между этой легендой и многими другими - здесь Солнце не божественный символ, а вещь, созданная вторично: и "свет Солнца" (или "мир под Солнцем") стали символами павшего мира, несовершенного видения).

Но главный искусник Эльфов (Феанор) заключил Свет в трех великих камнях, Сильмарилли, прежде чем Деревья были запятнаны и убиты. Этот чистый Свет существовал теперь только в этих камнях. Падение Эльфов произошло от чувства собственности Феанора и его семи сыновей к Сильмарилли. Враг захватил камни, вставил в свою Железную Корону и поместил в свою неприступную твердыню. Сыновья Феанора принесли ужасную и богохульную клятву вражды и мести против всех и каждого, даже против богов, кто посягнет на Сильмарилли. Первом плодом этого падения была война в Раю, убийство Эльфов Эльфами, и этим, а также их злобной клятвой, был осквернен весь их более поздний героизм, от этого плодились предательства и рушились все победы. Сильмариллион - это история Войны Изгнанных Эльфов против Врага, занявшей весь северо-запад мира. В нем есть и победы, и трагедии - но все кончается катастрофой, уходом Древнего Мира, мира долгой *Первой Эпохи*. Сильмарилли были найдены (путем вмешательства богов) только для того, чтобы быть потерянными для Эльфов навсегда: один в море, один в глубинах земли и один звездой в небе. Легендариум заканчивается видением конца мира, его переделкой и возвращении Силмарилли, "света, что был до Солнца" - после финальной битвы, которая, как мне кажется, ближе к норвежскому Рагнареку чем к чему-нибудь еще, хотя и не очень похожа.

Становясь менее мифическими, легенды приобретают романтику. Появляются Люди, причем разные. Большей частью "хорошие Люди" - те племена, что отказались служить злу, и, узнав о Богах и Высоких Эльфах Запада, бежали из-под Тени на запад; и встретили Эльфов-Изгнанников в самом разгаре их войны. Эти Люди - Три Дома Отцов Людей, чьи вожди заключили союз с эльфийскими Владыками. Встреча Людей и Эльфов предопределяет развитие истории позднейших Эпох и главная тема - наследование и связь крови, поскольку в крови Людей (теперешних) есть толика эльфийской крови, - что сильно влияет на искусство и поэзию Людей**. Заключены два брака между смертными и эльфами - и оба позже объединились в роду Эарендила, представленного, например, Элрондом Полуэльфом, который появляется во всех историях, даже в "Хоббите". Главная история в "Сильмариллионе", и одна из самых проработанных - "История о Берене и Лутиэн, Эльфийской Деве"***.

* Насколько все это имеет символическое или аллегорическое значение, Свет - такой важный символ в природе Вселенной, что едва ли может быть проанализирован. Свет Валинора (производный от света перед любым падением) - это свет чистый, и с любой точки зрения: с научной (или философской) и образной (или творческой) он хорош - также, как и прекрасен. Свет Солнца (или Луны) получен из Деревьев только после того, как они были запятнаны Злом.

** Конечно, в реальности это означает, что мои "эльфы" есть представление определенных сторон человеческой природы, но так не говорят на языке легенд.

*** Она представлена в поэме огромной длины, и сказание в "Сильмариллионе" - лишь укороченное переложение в прозе.¹

ᚱᚰ ᚠᚳᚰ ᚷᚢᚦᚰ ᚷᚰᚰ : ᚱ ᚱᚳᚰ ᚳᚳᚰᚰ :

Здесь мы первый раз встречаем тот мотив (ставший доминантой в “Хоббите”), что великие “колеса истории” зачастую поворачивают не Владыки и Правители, и даже не боги, а неизвестные и малые - и что всей мудрости мудрых не хватит, чтобы понять всю роль Детей Господа в Действие - а лишь мудрости Единого. Так, Берен - смертный, объявленный вне закона (с помощью Лутиэн, обычной эльфийской девушки, хоть и королевского рода) добился успеха там, где потерпели поражение армии и великие воины: он проник в крепость Врага и вырвал один Силмарилл из Железной Короны. Так он получил право на брак с Лутиэн - первый брак между смертным и бессмертной.

Эта история (которая мне кажется очень красивой и впечатляющей) героическая, сказочная и романтическая - но лишь для знающего, о чем идет речь. Без связи с остальным циклом, это звено из цепи легенд теряет очень много.

Великая победа, обретение Силмарилла, ведет к катастрофе. Клятва сыновей Феанора, желание обладать Силмариллом, обращают все эльфийские королевства в руины.

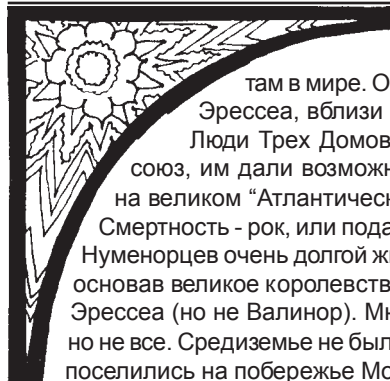
Есть другие истории, также полностью обработанные, связанные с общей хронологией, но вполне независимые. Это “Дети Хурина”, трагическое повествование о Турине Турамбаре и его сестре Ниниэль, и в которой Турин - главный герой - объединил элементы Сигурда Вольсунга, Эдипа, и Куллерво из финского эпоса. Это “Падение Гондолина”, главной крепости Эльфов. И, конечно, история (или истории) о “Эарендиле Мореходе”*. Он - очень важная фигура, он приводит “Сильмариллион” к завершению, и его потомки - главная связь с историями позднейших Эпох; он посланник Людей и Эльфов, нашедший проход через моря к Земле Богов, и убедивший их простить Изгнанных и принять обратно, спасти мир от Врага. Его жена Эльвинг - наследница Лутиэн, и она все еще обладает Силмариллом. Но проклятие продолжает действовать, и дом Эарендила уничтожен сыновьями Феанора, Эльвинг бросается в море - но спасается и приносит Камень Эарендилу; великая сила Силмарилла помогает найти путь в Валинор. Так, Эарендил и Эльвинг выполнили свое предназначение - но ценой этого был отказ от жизни среди Эльфов и Людей. Тогда боги в своей великой силе пришли к твердыне Врага и разрушили ее, и Враг был схвачен и выброшен за пределы Мира в Пустоту - так что он никогда не вернется в воплощенном виде. Оставшиеся два Силмарилла были вынуты из Железной Короны - но были потеряны, так как оставшиеся два сына Феанора, ведомые своим роком, украли их - и пали их жертвой, а камни упокоились, один - в море, другой - в глубинах земли. Корабль Эарендила, украшенный последним Силмариллом ушел в плавание в небеса как ярчайшая из звезд - так заканчивается “Сильмариллион” и предания Первой Эпохи.

Следующий цикл посвящен (или будет посвящен) Второй Эпохе. Темные Времена настают на Земле, и немного историй можно (или нужно) рассказать о них. В великих битвах с Первым Врагом земля была разрушена, Запад Средиземья опустел. Мы узнаем,

* Его имя древнее англосаксонское и означает “луч света”, но поскольку в мифологии используется Эльфийский, и *зарендил* означает “Великий Мореход”, это скорее “заметка на память”, которая помогает понять многие, ныне практически забытые, мифологические связи.

ᚠᚢᚦᚢ ᚠᚢᚦᚢ ᚠᚢᚦᚢ : ᚠᚢᚦᚢ ᚠᚢᚦᚢ :

что Изгнанным Эльфам было не приказано, но настойчиво предложено вернуться на Запад и жить там в мире. Они поселились не в Валиноре, а на Одиноким Острове Эрессеа, вблизи от Благословенных Земель.

Люди Трех Домов были вознаграждены за свою доблесть и честный союз, им дали возможность поселиться “западнее всех прочих смертных”, на великом “Атлантическом” острове *Нуменорэ*.*

Смертность - рок, или подарок Бога - были не во власти богов, но они наградили Нуменорцев очень долгой жизнью. Они подняли паруса и уплыли из Средиземья, основав великое королевство моряков - и с башен Нуменора можно было видеть Эрессеа (но не Валинор). Многие Высокие Эльфы также покинули Средиземье - но не все. Средиземье не было пустынным: несколько родов Людей из Нуменорцев поселились на побережье Моря, несколько Изгнанных Эльфов не вернулись (или медлили с возвращением), хотя путь на запад был открыт для всех бессмертных, и корабли в Серой Гавани всегда были готовы к отплытию. Орки (гоблины) и прочие монстры, взращенные Первым Врагом, также не были полностью уничтожены. Так же, как и Саурон. В “Сильмариллионе” и Сказаниях Первой Эпохи говорится о том, что Саурон был существом из Валинора, переметнувшимся на службу к Врагу и ставший его главнокомандующим и слугой. Великий страх испытал он, когда его Хозяин был повержен - и раскаялся. Устрашившись правосудия богов, он не вернулся в Валинор, а остался в Средиземьи. Изначально его мотивы были хорошими - восстановление и реорганизация, но пренебрегая богами и желая все более полной Власти он стал воплощением Зла, пылающим ненавистью (особенно к богам и Эльфам). Так во Вторую Эпоху на Востоке Средиземья поднялась Тень, распространяя на Людей свое влияние - а Люди все множились, так же, как исчезали Эльфы. Так, в сказаниях три главные темы - Оставшиеся Эльфы; возвышение Саурона до нового Темного Властелина, владыки и бога Людей; и Нуменор - Атлантида. Сейчас готовы необходимые хронологии и два рассказа: *Кольца Власти* и *Падение Нуменора*. Оба являются существенным и необходимым фоном к “Хоббиту” и его продолжению.

В первом мы видим второе падение (или, по крайней мере, ошибку) Эльфов. Нет ничего страшного в том, что они захотели остаться в землях своих былых свершений³. Но им хотелось одновременно и съесть пирог, и оставить его целым. Они желали мира, сияния Благословенного Запада, но при этом - жить в обычных землях, где могли бы быть выше прочих - Сумеречных Эльфов, Гномов и Людей; а не в Валиноре, внизу иерархии. Так, они стали “выцветать”, постепенно “исчезать с картины”, подвергаясь неумолимому закону времени - неизбежному в мире под солнцем. Они стали печальными, их искусство - (как бы мы его назвали) антиквариатом, и их дела скорее были сродни бальзамированию, хотя у них и осталось их главное дело - украшение земли и заживление ее ран. Было королевство Оставшихся - на северо-западе, более или менее сохранившемся со времен, описываемых “Сильмариллионом” - с королем Гилгаладом. Были и другие поселения, малые, как Имладрис (Ривенделл) Элронда; и великие, в Эрегионе, к западу от Туманных Гор и рядом с главным государством гномов Второй Эпохи - Шахтами Мориа. Там, в Эрегионе, возникла и укрепились дружба между

* Название, которое Льюис узнал от меня, и которое я не собираюсь ограничивать к использованию - “Нуминор” - произошло из-за простой ошибки. По-эльфийски “Нуменор” просто означает “Западный край” или “Земля на Западе”, и никак не связан с *numen*, *numinous* или *νοῦμενον*!²

ἰῶτῶ πῑῶτῶ : ἰῶτῶ τῑῶτῶ : ῑ

обычно недружелюбными друг к другу Эльфами и Гномами, и кузнечное искусство достигло небывалого расцвета. Но многие Эльфы слушали советов Саурана, который поначалу был честен и хотел, казалось, того же, что и Эльфы - восстановления запустелых земель. Саурон нащупал слабое место Эльфов - желание сделать Средиземье столь же прекрасным, что и Валинор, - и помогал им в этом, постепенно подстрекая против богов и поощряя к созданию "отдельного рая". Гилгалад отверг эти подстрекательства, и Элронд тоже - но не эльфы Эрегиона. Они начали свою работу и подошли очень близко к падению в "магию" и машинерию. С помощью знаний Саурана они создали *Кольца Власти* ("Власть" - зловещее слово в любом повествовании, кроме тех, что говорят о богах).

Главная сила колец (всех) была в предотвращении или замедлении *разложения* (т.е. "изменения" под воздействием времени, если понимать его негативно), сохранение любимых вещей в их неизменности, или близком подобию - этот мотив в большей или меньшей степени можно назвать эльфийским. Но также кольца еще и увеличивали природные силы их владельца - что уже приближается к "магии", причина легкого соскальзывания ко злу и жажды власти. Ну и кроме того, кольца обладали и еще кое-чем, непосредственно пришедшим от Саурана ("Некроманта", как его, промелькнувшего тенью, называли в "Хоббите"): умением делать невидимым материальные предметы и наоборот, делать видимыми предметы из Мира Незримого.

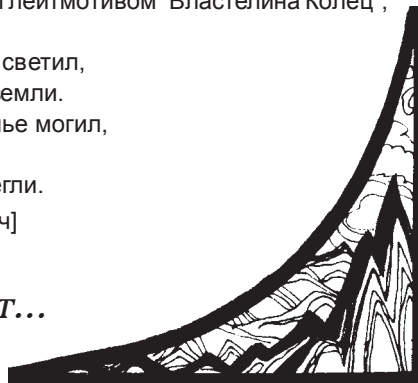
Эльфы Эрегиона создали Три чрезвычайно красивых и мощных кольца практически самостоятельно - сила этих колец была направлена только на сохранение красоты и не давала невидимости. Саурон же ковал Единое Кольцо, Правящее Кольцо - содержащее силы всех других, и управляющее ими, так что его владелец способен проникать в мысли и замыслы владельцев меньших колец, влиять на сотворенное ими, и в конечном итоге полностью поработить. Однако Саурон просчитался, недооценив мудрость и чуткое восприятие Эльфов. В тот момент, когда он закончил Единое, Эльфы поняли его замысел, и в тревоге спрятали Три, так, что даже Саурон не мог их найти и они остались чистыми; остальные же кольца Эльфы попытались уничтожить.

В результате разгорелась война между Сауроном и Эльфами Средиземья. Эрегион был захвачен и разрушен, и Саурон захватил много Колец Власти. Он раздал их тем, кто из жадности или амбициозности принял их - к своему окончательному развращению и порабощению. Отсюда "древний стих", ставший лейтмотивом "Властелина Колец",

Три Кольца высшим Эльфам под кровом светил,
Семь - властителям Гномов под кровом земли.
Девять - Смертным, чей жребий - молчанье могил,
И одно - Повелителю гибельных сил
В царстве Мордора мрачном, где тени легли.

[пер. М.Медведева и М.Каменкович]

продолжение следует...

Сарати Румида

Румил из Валинора создал первую письменность Арды в 1179 году Валар [AAm]. Хотя ее часто называют “Тенгвар Румила”, настоящее название системы письма было Сарати (каждая буква есть *saram*) [QE].

Профессор Толкин приспособил Сарати для собственного языка. Фактически, точное использование знаков для Квэнья или для других языков Амана нам неизвестно - единственный из опубликованных и более-менее длинных примеров написан по-английски. Правда, неуклюжая английская орфография римского алфавита не влияет на этот образец, так как он записан строго фонографично: так, слово “became” превратилось в “bkeum”.

Ниже -таблица, показывающая звуковые значения каждого сарат для английского языка, построеная в соответствии с такой же таблицей для Тенгвар, имеющейся в [AppE]. Звуковые значения даются согласно Международному Фонетическому Алфавиту.

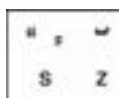
t	p	tʃ	k
d	b	dʒ	g
θ	f	ʃ	x
ð	v	ʒ	ɣ
n	m		ŋ
r		l	
s	ʃ	z	st
h	m	ɹ	w

12

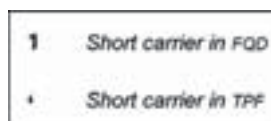
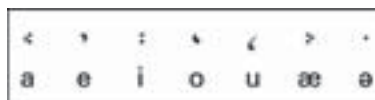
ᚷᚢᚰ ᚹᚢᚷ ᚷᚢᚰ ᚱᚰᚷ : ᚷᚢᚷ ᚱᚹᚢᚰ :

Сарат для /x/ (показанный серым) отсутствует в образце, но может быть реконструирован по другим сарати согласно принципам их начертания. Различные сарати для /n/ и /s/ взаимозаменяемы, и скорописный сарат для /st/ необязателен. Два последних сарати могут использоваться для дифтонгов; сарат I всегда следует за гласным. Удвоенные или длинные согласные не различаются.

Идущие после другого согласного, особенно в конце слов, звуки /s/ и /z/ могут отображаться диакритическими знаками. Они ставятся ниже предшествующего сарат, или иногда (в случае /s/) связываются с продолжающимся изгибом если такой есть.

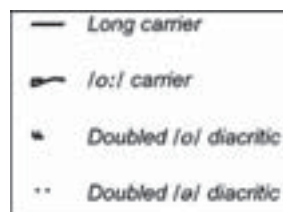
Диакритические знаки для гласных таковы:
Они ставятся слева или справа от сарат. Если слева, они произносятся перед сарат, если справа - после.

Если гласный используется независимо от любого согласного, знак связывается с *несущим*.

Как мы знаем из FQD перед временем Феанора, несущий произошел от устаревшего сарат для безголосого заднеязычного фрикатива в прото-элдарине; он позже перешел в Тенгвар “коротким подставом”. В TRF несущий имеет заметно различную форму, хотя не настолько различную, чтобы можно было говорить о разных начертаниях одного знака.

Длинные гласные обычно изображаются гласным диакритиком слева или справа от несущего. Гласный /o/ и /ɔ/ (и возможно другие гласные также, хотя это не подтверждено) иногда удлинняется просто, удваивая диакритик. Долгое /o/ также обозначается с помощью специального несущего. Долгое /u/ обозначается комбинацией /u/ диакритического и сарат для /w/.

В нашем английском образце часто опускаются гласные. Вполне вероятно, что и для Квэнья действовало это правило. Кроме вышеупомянутой теории, что гласные были просто модификаторами согласных, Профессор Толкин отмечал, что при записи Квэнья с помощью Тенгвар, Эльфы часто опускали гласную /a/, самую частую гласную в Квэнья, так как структура языка позволяла безошибочно прочесть такую запись.[AppE].

Из знаков препинания пока известен только один. Его можно использовать как точку и как конец параграфа, и как длинную паузу, хотя, скорее всего, первое значение было сильно ограничено.

Ниже приведен еще один пример использования письменности Румила. Будем надеяться, что

эта элегантная система станет более известной после опубликования других существующих фрагментов.

Iluvatar was the first beginning, and beyond that no wisdom of the Valar or of Eldar or of Men can go.

Список литературы:

Rumilian Document” in *Vinyar Tengwar* #37

Այժմ : իպիւ շիւ : իշնշիւ թշ :

*Ныне поведаю о том, как Эктелион из
Эрин Ласгален исполнил обещание,
данное им Истару Палландо.*

После того, как ушел Тинмегиль, Эктелион три года прожил среди северян. Он и его сородичи были окружены великим почетом, их мудрости внимали и делали по слову их.

Но обещание, данное Тинмегилю, не давало Эктелиону покоя; и часто в сердце своем он слышал могучий и властный голос, звавший его; и чем более помышлял он о своей клятве, тем яснее был виден ему путь к исполнению ее, разрозненные и бессвязные мысли обретали завершенность и воссоединялись, и вот, узрел он ткань грядущих речей своих.

И когда исполнилось это, пришел он к Маглору, и заговорил о делах своих, и сын Феаноров отвечал ему: “Воистину, клятва зовет к исполнению. Ныне ты знаешь слова, какие скажешь, мне же ведомы песни, которые спою, дабы еще подтвердить твои слова.”

Тогда, собравшись, пошли они на юг; лишь Элуред и Элурин знали о цели похода их и пошли с ними.

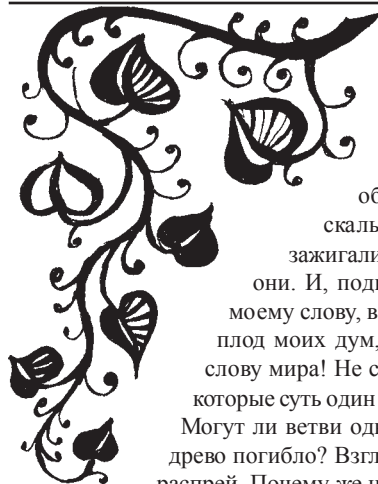
Сперва пришли они к Трандуилу, дабы испросить у него совета и помощи в задуманном. Но король лесных эльфов удивился и ужаснулся замыслу их, начал уговаривать отказать от этой затеи и даже, решив, что брат его безумен, захотел было заключить Эктелиона под стражу, сказав: “Над пришедшими с тобою я не властен, но тебя могу удержать от деяний безрассудных и гибельных.” И молвил ему тогда Эктелион: “Ни стража, ни замки, ни даже оковы не в силах удержать того, кто послушен велениям своего сердца.”

В то время Келеборн и сыны Элронда были там. Выслушав Эктелиона, они убедили Трандуила в разумности помыслов и поступков брата его, и даже пожелали сопутствовать ему.

Осень была в Эндоре, когда покинули они Ласгален и взошли а серые кручи Хитаэглира. Долго странствовали они в пустынном пограничье земли Бьорнингов, ибо очень редко в ту пору покидали орки свои горные замки и крепости и почти не беспокоили жителей предгорий. Дыхание осени стало холодным, грива ее пожелтела, а ночи стали непроглядно темны. Вскоре после Эндери, когда они совсем уже было решили вернуться в Ласгален и перезимовать там, встретили они воинов Темного Народа. Орки хотели напасть на них, но Эктелион показал им золотой знак, полученный им от Таркаша, и согласились они провести эльфов к своему вождю.

С удивлением взирал Верховный Орк на незваных гостей; он спросил их, зачем пришли они.

И сказал ему Эктелион: “Нас ведет Вышняя Воля. И вот, дано нам Слово для тебя, и должен будешь ты решить, принять его, или отвергнуть.” Тогда Таркаш отослал свою стражу, и привел эльфов в башню, что была западным отростком гор; словно поединщик, выступивший из рядов воинства, далеко от гор высилась она, и со всех сторон обступали ее падубы Эрегиона. Поднявшись на вершину скалы, воссели они на каменных скамьях. И был закат, и звезды зажигались над ними. Тогда спросил Таркаш их снова, зачем пришли они. И, поднявшись с места своего, отвечал ему Эктелион: “Внемли моему слову, вождь Темного Народа. Ибо вот, то, что измольваю я, не есть плод моих дум, но сказано мне от предстоящих надо мною. Внемли же слову мира! Не странно и не страшно ли, что народы наши, эльфы и орки, которые суть один род и одно племя, питают друг к другу великую ненависть?! Могут ли ветви одного древа враждовать между собой без того, чтобы само древо погибло? Взгляни, меж другими народами нет столь великих и нелепых распрей. Почему же нам не воссоединиться? Мы примем вас, как утраченных и вновь обретенных братьев, и примем вас с Владыками Мира. Не надо будет вам скрываться от солнца в пещерах и добывать себе хлеб в бессмысленных битвах с людьми. Жилища наши стоят рядом, мы научим вас всему, что сами знаем и умеем. Потом же, возможно, нам суждено вместе войти в чертоги Валинора. Так скажи, что согласен, о вождь!”

Долго сидел Таркаш молча, потом вымолвил тихо и сумрачно: “Ты прав. Народы наши живут в ненависти. Я стал властелином орков потому, что вижу дальше и глубже многих моих сородичей, и я не враг вам. Но мне ведомы самые корни этой ненависти, и они неистребимы. Вы жили, наслаждаясь светом и красотой; прекрасные, мудрые и сильные, творили чудесные вещи и деяния; изначально дивные и светлые, такими же и остались. Мы же были ввергнуты Черным Господином в узилища, страдания и отчаянье, рожденные Тьмой, изувечили и тела, и самые души наши. В муках и отчаяньи проклинали мы вас, светлых и свободных. Веками Злая Воля гнала нас на битвы с вами; но не только наносная ненависть вела нас в битву, зависть, рожденная созерцанием вашей благодати, была не менее сильна, чем страх послушаться Властелина. Ныне же все Властелины сгинули, в нас осталась лишь ставшая привычной ненависть ко всему миру. Эта привычка к жестокости и злу сделала нас племенем грабителей и убийц, губителей красоты. Но мы желаем измениться! И многие из нас поверили Белой Длани, посулившей нам примирение с миром; но потом Саруман оказался ничуть не лучше Багрового Ока. Те, в черной стране, по крайней мере не лгали о своих намерениях. И мы остались одни на весь мир, окруженные лишь врагами. И где же были вы? Вы гнали нас, как прокаженных, вместо сострадания веками дарили нам лишь презрение и убивали, где только могли. “Гурт а Гламхот” - так, кажется? Мы разделены навеки, не братья теперь, но враги. Уходи, зов твой опоздал на тысячи лет. Ничто не в силах изменить нас и вернуть к свету. Таких, как я, кто думает и понимает, нет более в моем народе, мы выродились и сгинем во мраке забвения. Уходите же прочь, жестокие милосердцы, забудьте нас и не мучайте более своим непрошеным состраданием!”

“Не отвергай нашу помощь и дружбу, утративший надежду,”- возразил ему Маглор. - Не навеки отлучены орки. Время избывает проклятья, несет прощение и исцеление. Взгляни на меня: я - сын Феанора, и клятва наша стала причиной столь великого зла, что содеянное вами меркнет перед ним, тем более, что вы творили зло, повинувшись злой воле своих Властителей, мы же - из собственной гордыни и неразумия. Но Отец наш милосерден, и милосердны дети его, и

ᐃᓄᓐ ᓄᓐᓇᓐ ᓄᓐᓇᓐ : ᐃᓄᓐ ᓄᓐᓇᓐ ᓄᓐᓇᓐ : ᓄᓐ

многие из претерпевших от нас недоброе даровали нам прощение. Я же приношу покаяние и моление за себя, за отца моего и братьев, и верую в праведность Судящего меня. Ныне, когда содеянное Черными Владыками стало забываться, а раны мира начали заживать, родилась надежда и для Темного племени, и мы - ее вестники. Знай, что есть на Востоке место, где народ наш пробудился к жизни по Слову Всеотца; там, на священных берегах Куйвиэнен, которых не коснулась Тьма, найдете вы исцеление. Святые воды нашей колыбели очистят ваши тела, и души ваши, омытые в хрустальной купели, очистятся от скверны. Вы воистину станете братьями нам и обретете свободу и величие. Внемли же нашим словам, вождь, ибо мы зовем народ твой ступить на путь надежды и обновления!”

Поднял голову вождь орков, и взор его был чист и светел, и ясен, словно звезда. Но снова вдруг омрачилось лицо его, печально вымолвил он: “Я верю тебе, господин, но не знаю, поверят ли мои орки.”

“ Не тревожься об этом, брат,- сказал Келеборн.- Если возжелают поверить - поверят, ибо никакой Тьме не угасить Свет Единого в ваших душах. Пусть народ твой сойдется в каком-либо месте, тобою назначенном, мы сами будем говорить с ним.”

“ Но не убьют ли они вас? Ведь есть еще помнящие Железный Венец, Багровое Око и Белую Длань, и те, кто осаждали Лориен и бежали пред твоим гневом, Владыка Золотого Леса!”

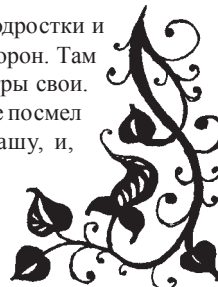
“ Жизни наши - в руках Всеотца. Наши помыслы - не о спасении их, но о том, чтобы исполнить волю пославшего нас.”

И спросил тогда Таркаш: “Как именуете вы Того, кого зовете Всеотцом, каким именем обращаетесь к Нему?”- и, получив ответ, преклонил он колена и молвил: “Внемли же мне, Эру Илуватар, Аттолма, и Менельэссиэ, Отец Сущего и наш отец! Я, вождь орков, зываю к тебе! Помоги народу моему услышать глас надежды, смягчи их сердца, вложи в них мудрость и ниспошли очищение нам, изувеченным Тьмою!”- и, взглянув на небо, возгласил он удивленно и радостно: “Смотрите, воистину, знамение это, что услышано мое моление! На Западе вспыхнула ярчайшая заезда!”

“ Славься, Эарендил, ярчайшая из звезд!- возгласил Элуред. - Когда пал Нуменор, приугасла Гиль Эстель, Звезда Надежды, ныне же она вновь обрела свой полный блеск, и это - знамение судьбы орков.”

И сказал Эктелион: “Истинно говорю тебе, что премного восхвален ты будешь унаследующими тебе. Ныне же, если принял ты наше послание и внял нашему зову, то испей нашего меду - впервые за три Эпохи уста орка коснуться мирувора.” - И, наполнив чашу, подал ее Таркашу. Медленно взял ее в руки Верховный Орк, медленно осушил и сказал: “ Вначале горек был мне ваш мед, но теперь кажется мне, будто бы испил я звездного света, и стал он моею кровью.” Тогда Эктелион вновь наполнил чашу, и каждый испил из нее в свой черед; и лембас, преломив, равной долей разделили меж собою.

В скором времени Таркаш собрал свой народ. Женщины и дети, подростки и взрослые воины сошлись все вместе в предгорной долине Лоэг Нинглорон. Там встали они лагерем, каждый род - отдельно от прочих, и разбили шатры свои. Очень их удивило странное поведение Верховного Орка, однако никто не посмел ослушаться. Недоумевали и вожди орков, приближенные к Таркашу, и, собравшись вместе, подошли они к нему и сказали: “Господин, или околдовали тебя эти пришельцы? Ты не растаешься с ними и посылаешь странные прказы. Дозволь нам убить их, и ты освободишься от чар.” Но Таркаш запретил им, говоря: “Они не чародеи, но посланцы, и

Бѣжѣ хѣрѣ : ѿѣрѣ рѣрѣ : ѿѣрѣ

принесли нам важные известия, и я хочу, чтобы весь мой народ выслушал бы их, а выслушав, произнес бы свое решение.”

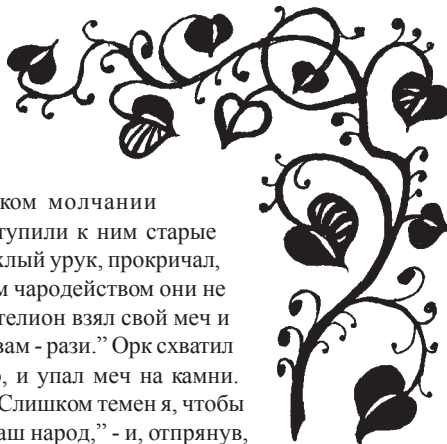
И в назначенный день собрался весь Темный народ; и в закатные сумерки вышел Таркаш к ним, и поднялся а утес, возвышавшийся над долиной, так что каждый видел и слышал его. И эльфы поднялись и встали подле него. Бранью и хулением, и злобными проклятиями встретили их орки, и даже несколько стрел впилося в землю подле их ног. Но Таркаш поднял руку - и смолкла толпа. Тогда Эктелион повел свою речь, он сказал оркам все, что прежде было поведано их вождю, и еще многое к тому прибавил. Хоть и с неохотой, но слушали его орки и поневоле дивились его красноречию. Когда же умолк Эктелион, Маглор поднял свою арфу и запел. Завороженные, молча и недвижно слушали орки его песнь, словно бы дивным сном забылись они на время. Оружие выпало из грубых рук, щиты и шлемы пали на землю. Мудрость и красота Высокого Наречия вливались в души Темного народа, переполняя их неведомыми им дотоле покоем и радостью.

Голос Маглора поражал своею силой и звучностью, прекрасно высокие отзвуки его проникали во все ущелья и поднимались ко сводам Мира; Келеборн и Эктелион, Элуред и Элурин, Элладан и Элрохир вступали в песню свой черед, и голоса их сливались воедино, и слышались в той песне светлые чары Айнулиндале, где были предпеты Перворожденные. Ветра Запада вторили ей, перебирая кудри вереска, проносясь меж скал и камней, острых утесов и сплетений терна и остролиста, ивы шелестели в такт мерно падавшим и взлетающим словам, и семь источников, бивших из склонов низины, подпевали хрустально и чисто, и рокотал издалека могучий Андуин; и, казалось, слышно было, как лучи закатного Солнца с нежным звоном ложатся на золотые лепестки ирисов...

“...Над хрустальными водами Куйвиэнен,
Сиявшими отблеском юных звезд,
Проснулось Светлое племя, звездный народ,
И пение Перворожденных звучало в Эндоре
Еще до того, как первые птицы запели,
До дня, когда явлены были
Багряный и златосеребряный восходы
И гулкозвучный лес шумел от Хелкара до Белегаэра
Это было в дни Юного Мира,
Когда Всадник проносился по Северным Землям,
И дрожала земля под копытами Нахара,
И рокотал Валарома,
И в страхе бежали пред ним порожденья Моргота,
А на Западе, за темнопенистым морем,
Сливались сияния двух Дерев,
Нинквэлотэ и Лаурэлин роняли на землю
Медвяную свежесть росы,
И Варда ее собирала в озера,
И светом полнился Валинор,
Майар пели на зеленых холмах,
И звенел песнями Валимар,
Льдистым светом полыхала глава Ойолоссеа,
Свет и покой наполняли пределы Амана...

О, как давно это было, давно и недавно!
Но предания о тех днях
Вечно живы в памяти Калаквэнди,
С тех пор изувечен был Эа,
Но он неизменно прекрасен в сердце эльдар...”

Опустил свою арфу Нолдор. В глубоком молчании спустились эльфы с утеса, и у подножия подступили к ним старые орки, и старейший из них, огромнейший, но дряхлый урук, прокричал, что надобно убить незваных гостей, пока своим чародейством они не свели с ума и не погубили всех орков. Тогда Эктилион взял свой меч и подал его орку, молвив: “Если веришь своим словам - рази.” Орк схватил меч, занес его для удара, но дрогнула рука его, и упал меч на камни. Посмотрев в ясные очи эльфа, сказал тогда орк: “Слишком темен я, чтобы идти по предложенному тобой пути. Но спаси наш народ,” - и, отпрянув, кинулся вниз со скалы; холодные и чистые воды ручья приняли тело его и сомкнулись, незамутненные; и ирисы склонились над ним. Прочие же орки сказали: “Не поднимем на вас руки, Вестники Надежды. Ведите нас, и да сбудутся ваши слова!”

И начали тогда орки собираться в дорогу. Отправлены были гонцы к Бьорнингам, и те согласились пропустить орков через свои земли. На золото и драгоценности, извлеченные из тайников, куплены были пони и мулы, и вьючные лошади, повозки и всяческие припасы, необходимые в долгом пути. Всех пленников и рабов отпустили они из узилищ и потаенных рудников, щедро одарив их во искупление причиненного зла, а в селения по обе стороны гор отправлены были богатые дары - как вергильд за нанесенный ущерб и убитых в набегах.

Покуда шли сборы, Келеборн и сыны Диора отправились с вестями к Трандуилу. Элладан, Эброхир и Эктелион ходили среди Темного племени, исцеляли больных, леча раны и увечья; а вскоре замечено было, что орки стали легко переносить солнечный свет, даже радуются ему, и Маглор научил их древним обрядам встречи и провожания на заре лучезарного Анара, и вошло это в обычай среди орков.

Изю всех селений, крепостей и замков Хитаэглира собрались орки в Лоэг Нинглорон; дважды десять по десять сотен было среди них воинов - все более северяне, но были и уруки Мордора, и Урукхай; а стариков, женщин и детей было - треть от числа воинов.

Когда выступили они в поход, на много лиг растянулись их отряды. Впереди ехали Эктелион и Таркаш, а сыны Элронда шли среди орков, и говорили с ними, а Маглор играл на арфе и пел, и радовалось его песням Темное племя.

Как и было обещано, Бьорнинги пропустили орков через свои земли, но все же несколько отрядов шло в отдалении за орками, поскольку не доверяли им лесовики и следили за ними. Орки же шли, не причиняя никому обид и вреда. Пройдя вдоль Андуина на север, они перешли реку у Старого Брода и вышли на Мэн-и-Наугрим, и по ней достигли лесного нагорья.

Долго беседовали Келеборн и Трандуил, затворясь в тиши тронного Зала, после этого разговора повелел король народу своему радушно и гостеприимно приветить Темное племя. С удивлением и радостью узнали эльфы о причинах похода орков и о том, что содеяли Эктелион и Маглор. В крепость, что на Лесном нагорье, отправлены были гонцы. Множество ярких, остерверхих шагров было разбито у ворот крепости, подле лесного озера; из Приозерья привезли

ᚢᚱᚦᚢᚱᚢ ᚱᚢᚱᚢᚱᚢ ᚱᚢ ᚩᚱ : ᚱᚢ ᚠᚢᚱᚢ ᚠᚢᚩ

за инструменты и создавали дивные вещи, подобных коим никогда не было, ибо, хотя сила орков была подобна силе квэнди, но, подвергнувшись искажению во Тьме, изменилось, и поэтому сотворенное орками сильно отличалось от творений Дивного Народа. А некоторые из орков отходили в сторону от отрядов, в степи, и дикие птицы, прилетев, садились им на плечи и руки, и звери подбегали к ним, шли рядом, позволяя ласкать себя.

Особенно же преображались дети орков, рожденные в пути или незадолго пред ним. Ни единой оркской черты не было в их лицах, да и сложены они были на диво правильно и изящно. Светлоокие и высокие, они напоминали, скорее, эльдар, только что родившихся эльфов. Волосы их были темны, как вороново крыло, глаза серые, словно море, или зеленые; но иногда вдруг блистали и золотые кудри, как у ваниар. И дивились, и радовались этому орки. А дети их лънули к эльфам, и те учили их всему, что сами умели, и передавали им Предание. Юный орк, младший брат Таркаша, Хадрог, которому не было и шестнадцати лет - а по эльфийскому и орочьему счету это очень и очень мало - особенно подружился с Маглором. Их часто видели вместе; гордый нолдорский принц ехал, посадив своего юного друга на луку седла. Он обучил Хадрога искусству сложения песен, и впоследствии сей юноша стал великим менестрелем.

Между тем орки Эред Литуи, прослышав о том, что сородичи их пустились в дальнее странствие, послали к ним гонцов. Когда посланные увидели преображенный народ Таркаша, их изумление скоро сменилось злобой, с проклятьями они повернули прочь. Но Эктелион, нагнав их, говорил с ними, и гонцы, возвратясь, ничего не рассказали своим соплеменникам, а только лишь позволили их присоединиться к странствованию народа Таркаша.

Думая, что это - военный поход, орки Изгарных гор выслали большой отряд. Шли они быстро, опасаясь встречи с воинством Восточной земли Великого Королевства, и раньше орков Таркаша достигли земель у слияния Кэльдуина и Карнена. Но увидев, как изменился народ Таркаша, изготовились они к битве, решив, что сие неведомое племя послано на них Наместником Восточной земли. И тогда Эктелион и Маглор вновь отправились к ним, безоружные, со Словом Мира на устах, и мордорские орки решились следовать за ними. Большая часть новоприбывших сразу же присоединилась к Таркашеву племени, а некоторые вернулись домой за женами и детьми. В ожидании их орки встали лагерем близ устья Кэльдуина, к северо-западу от Таур-на-Уиал. Сильно возрос отряд, ведомый Эктелионом к Озеру Пробуждения, еды стало не хватать, к тому же близилась зима. Поэтому несколько глашатаев, эльфов и орков, были посланы в Нан Авардор. С недоверием встретили авари глашатаев; долго они не давали посланцам ответа, сами же тем временем послали к становищу пришельцев небольшое войско из конных лучников; но, убедившись в истинности слов глашатаев, лучники повернули обратно. И тогда многие авари пришли к Эктелиону и Таркашу, принеся еду и драгоценную воду из родника в Барад Фалмар - терпкую, живительную влагу, они помогли им устроиться на зиму и сами остались с ними.

Наконец, через год долгого пути, подошли они к Холмистым пределам. Земли те некогда лежали на дне Хелкара, и поэтому степные равнины прорастали там меловыми холмами, которые затем сменялись лабиринтом утесов. Орки шли по руслам пересохших ручьев и по безводным ущельям. И вот все скалы перед ними слились в единую стену; свежая трава, ярко-зеленая на грязно-желтом песчанике, росла там, покрывая собой весь пологий западный склон вплоть до гребня. Словно край огромной чаши высилась стена, а за нею, в зеленой долине лежало Священное Озеро Квэнди. Поднявшись на гребень стены, узрели орки огромное озеро, подобное длани, обращенной к Западу, и воды его сияли, как хрусталь, наполненный светом Луны и звезд.

ᚠᚣᚢᚱᚢᚱᚢ ᚔ ᚠᚢᚱ ᚠᚣᚣᚢᚱᚢ · ᚱᚣᚢᚱᚢ

На севере и востоке озеро окаймлялось отрогами старых, выветрившихся гор; сотни ручьев истекали из потрескавшейся Кожы Земли, и весь воздух над озером наполнился журчанием и переплеском струй. Нижние склоны гор поросли лесом, на юге же древесное воинство переплескивалось через низкие взгорья и заполняло весь перешеек, отделявший Чашу Эльдаров от холодного Хелкара, что лежал на юго-востоке.

Земли те казались пустынными, но здесь было сердце владений сумеречного народа пиксов. Некогда несколько родов авари попали в плен к Саурону; муки и чародейства не смогли превратить их в орков, но души их, обожженные порчей, затемнились. Когда в начале Третьей Эпохи к Руну пришли Итрин Луин, то они собрали большое воинство из свободных авари, лайквэнди, нандоров и их союзников, гномов и людей; тогда, в великом Южном Походе, они сокрушили царство Черных Нуменорцев, лежавшее в Мордоре, в Нурне; освобожденных из рабства эльфов Истари привели к Озеру пробуждения; там они и жили с тех пор, но позднее, когда число их возросло, многие переселились в разоренные земли Эренана.

Они жили, укрывшись плененой сумеречных заклятий, и время медленно излечивало их от наследия плена. Но думы и деяния их все же отличались от дел других эльфов. Пиксы одевались в серые, бурые и зеленые одежды; свои тайные жилища строили они в холмах и скалах; их единственная крепость, Эрелондэ, была высечена в толще серых скал на острове, лежавшем посреди вод Куйвизнен, в лиге от северо-западного берега. Издали она казалась нерукотворным каменным венцом, опущенным на хрустальное зеркало, и не было в ней никаких явных признаков жизни. Странны были обычаи пиксов: свои дома и укывища покидали они лишь в сумерках и возвращались в них с зарею; огня никогда не разводили, так как умели брать тепло у земли; также изготавливали они чудесные светильники, которые то чуть мерцали, как болотные огоньки, то вспыхивали ослепительно и ярко. Пиксы не ели ни мяса, ни рыбы, а лишь плоды земли. И чародейство их было иным, чем у других эльфов: отказавшись от оружия, они искусно колдовали, могли представиться врагам то огромного, то маленького роста, а то и вовсе невидимыми, напускали туман, темень, чародейские образы и видения, грозные и устрашающие.

Чужаков они не любили и отваживали их по-всякому. Если вастак забредал в их земли, то, в лучшем случае, просто теряя лошадь или проблуждав в тумане, возвращался туда, откуда начинал путь, а мог и попасть в трясину или вдосталь навопиться от ужаса, спасаясь от призрачных чудовищ. Родичей же своих, авари из Авардора, Ойоривэ и с берегов Хелкаринквэ, и прочих эльдалий, принимали пиксы хоть и дружески, но весьма неохотно.

Потому, увидев множество грозных пришельцев, пиксы наслали на них свои чары, но Эктелион, Элладан и Элрохир легко отвели их. Тогда затворились пиксы в Эрелондэ и в других своих тайных убежищах, и глашатаи, посланные к ним, вернулись ни с чем.

Орки перешли через гряду, преграждавшую им путь и остановились в широкой тенистой логовине. С восторгом слушали они плеск волн, шелест белого песка и возгласы серебристых чаек.

И пришел день посреди года, когда солнце, едва преклонившись на Западе, тотчас же всплывает на Востоке. В сумерках этого дня орки, сбросив одежды, вошли в священные воды; Эктелион и Маглор вели под руки Таркаша. Вознеся моления Всеотцу, окунулись они в сверкающие волны, увенчанные холодной и чистой пеной, и когда последний закатный луч коснулся поверхности озера, наполнив его золотом и царственным багрянцем, восстали из вод, и, узрев себя и других, замерли в восторге и благоговении пред свершившимся, потому что стали они прекрасны, как и те, пробудившиеся на этих берегах тысячелетия назад. Светлые, стройные тела наполнились внутренним сиянием и красотой, глаза лучились предначальным светом.

ԹՇՇյնն և ԳԳն : ԿՕԹ հնա 1 ՃԽ

ВЕСНА АРДЫ

As yet no flower had bloomed nor any bird had sung, for these things waited still their time in the bosom of Yavannay, but wealth there was of her imagining, and nowhere more rich than in the midmost parts of the Earth, where the light of both the Lamps met and blended.

ԿՏԹԱՆՈՒՆ Ի ՇԽՈՇԵՐՈՒՆ . ԲՇԹԱՆՈՒՆ

А Маллор поднял руки свои над водой и увидел, что ожоги от Сильмариля исчезли, и стал он юн и прекрасен, как прежде. Но более всех преобразился Таркаш, стал он прекраснее всех земных королей; из Детей Эру лишь Ингвэ и Эльвэ Синголло могли бы сравниться с ним в красоте - но не превзойти его. Полуорк, он стал полуэльфом, сочетая в себе силу Людей и красоту и мудрость Эльфов. Лунное серебро сияло на его волосах, а глаза стали - как звездные сапфиры, напоенные Истинным Светом. И новое имя наречено было ему - Ильмарион.

Но вот на румянном предвосходном небе полыхнула белейшим светом Гиль-Эстель, и ослепительно чистый луч света вонзился в берег озера.

И видно было, как по лучу, словно по сверкающей дороге, вынырнув из гряды новорожденных облаков, несутся всадники. Первый из них, серебристо-белый на белоснежном коне, поднял рог, и рокотание рога наполнило небо, и отзвук пения его грянул зычно, как грозовой раскат. Оромэ Алдарон явился на берег Куйвиэнен и встал у края вод; Нахар вздыбился под ним, и земля дрогнула под копытами коня. Эктелион поднял взор на Валара и на пришедших с ним, и сердце его вспыхнуло радостью узнавания. Рядом с Оромэ встали еще двое всадников: один, снежно-белый, на белом коне - Митрандир Олорин, другой же, облаченный в лазурную синь, седок серого, как тень, единорога - Тинмегиль Палландо; лица их были молоды и прекрасны, и совсем не походили на прежние, старческие личины, но глаза выдавали древнюю мудрость майар-Истари.

С восхищенным изумлением смотрел Валар-Всадник на вышедших из моря. И сказал он своим спутникам: “Видите, друзья; чаяния ваши исполнились, и труды ваши здесь завершены. Сбылось хранившееся в тайных думах Эру, и подарил нам Он счастливое право приветствовать новорожденный народ.”

“Не новорожденный, но Возрожденный,” - возразил Митрандир, и Тинмегиль добавил: “Да именуются они отныне - энвиниар, потому что орками звать их теперь ведь не должно.”

И снова вострубил Оромэ, и новую песнь пропел Валарома в дланях его. Мглистой дымкой окутался берег, а потом мгла рассеялась, распалась надвое, как занавесь, потому что пронизал ее золотистый свет. Огромная чаша, точно прозрачный цветок, возникла на берегу.

И молвил Оромэ: “В последний раз пришел я в Эннор, и не явлюсь здесь более в зримом обличье до Конца Мира. Я пришел к вам посланцем моих Братьев и Сестер. Возрождение и очищение даровано вам от Эру, что же мы можем дать вам? Мы дарим вам и земле этой свое благословение, да расцветет она и станет прекраснейшим местом в Срединных Землях. Чаша эта - дар Владычицы Варды. В ночи и в тумане будет светить она, а если наполнить ее водой - вода излечит любые раны земли и живущих на ней. И еще: дорога на Запад, Прямой Путь, открыта для вас, и если пожелаете - сможете прийти в Аман.”

И тогда заговорил Олорин, и сказал он: “Я ждал сего часа, хотя и не верил, что он настанет. Поэтому, дабы почтить вас и возблагодарить Господа, я приношу вам свой дар. Пусть чаша сия даст вам не только свет, но и тепло.

Поставьте ее на возвышении в центре вашего города - а я провижу, что он у вас будет - и на семь лиг вокруг установится вечное лето, и воздух наполнится пением птиц и ароматом бесчисленных цветов, станет он послушен вашей воле, и вы, искусством вашим, которое еще обретете, будете вызывать им и в нем прекрасные видения. Сделать так в моей власти, ибо я - Олорин, и сила моя возросла с тех пор, как я вернулся на Запад.

Тогда засмеялся Тинмегиль, и воскликнул: “Неужели ты, Олорин, превзойдешь меня в щедрости? Примите и мой дар, о Юный народ!

ṛṭṭjṁṁ ḷḡṭṁ : ȳōṛ ḥṁ i ḡjḥ

Отныне пусть это озеро воистину явит свой незримый свет, которым оно наполнено, и да услышите вы пение духов, моих друзей и братьев, что служат Ульмо и населяют это озеро. Впрочем, наибольший из даров вы поднесли себе сами, пробудив исконную силу озера, его власть к Преображению. Сказываю вам, что отныне любой, кто темен сердцем и не ведает покоя, сможет, омывшись в Водах Пробуждения, очиститься и обратиться к свету.”

И сказал Оромэ: “Итак, будьте же благословенны - и прощайте! Мир вам!” Взылись кони, взметнулся песок под их копытами, быстро скрылись из виду Валар и Олорин. Тинмегиль же, спешившись, подошел к Эктелиону, Маглору и Ильмариону, поочередно обнял каждого и молвил: “Благодарение Эру, что меня избрал Он своим орудием. Я счастлив, что некогда повстречал всех вас. Ныне же мне предстоит другой путь, другие дела; и, возможно, мне придется уйти их Кругов Мира. Но я надеюсь, что вы придете на Заокраинный Запад, и мы встретимся вновь. Впрочем, вы и не сможете не прийти. Мир изменился, и Средьземелье принадлежит теперь Младшим, и путь их не близок; вы же должны будете уйти - или стать теньями в Мире Смертных, или разделить их судьбу. Выбор за вами - но я хотел бы видеть вас в Благословенных Землях. Прощайте!”

Единорог прынул, Тинмегиль обернулся в прощальном привете и исчез сине-серой дымкой, истаял в небе, и вновь возник подле двоих, ожидавших его под звездой. И тогда в третий раз вострубил Оромэ в рог, и взмахнул копьем - и всем вдруг почудилось на миг, будто бы Гиль-Эстель полыхнула на самом острие копья Валара. И в огромной сияющей прорехе, возникшей на миг в закатном небе, узрели они дальний город с пристанями, белыми башнями и с маяком, на вершине которого горели звезды - и зазвенел чисто и ясно далекий колокол, и скрылся дивный город, видение померкло и растаяло, как туман, изгоняемый ветром...

И поселились Энвиниар подле Куйвиэнен. Вскоре пришли к ним посланные от пиксов; и удивились они, увидав перемены, произошедшие в пришельцах, когда же Ильмарион поведал им историю об Энвинии Гламхот - Обновлении Орков, то пиксы открыли свои земли для энвиниар и помогли ми в устройении жилищ и обживании земель. Большинство Обновленных селились по обычаю пиксов, устраивая свои дома в скалах и под холмами, некоторые же ушли в леса и поселились там, сделав таланы в кронах деревьев. Но потом решено было, что земле их нужна столица.

И поднялся у Куйвиэнен белый город. Стены его, башни, дома, лестницы, площади и широкие улицы сложены были из белого камня, изукрашены серебром, алмазами и жемчугом из Хелкаринквэ. Фонтаны и сады, и рощи мэллирн украсили тот город, и мрамор не оттенял зелень деревьев. Посреди города, на серебряном столпе вознесли Чашу Валаров, и сбылось все реченное о ней, и город этот, Гильгонд, не ведал зимы и увядания.

Много раз на север и к пределам Мордора отправлялись энвиниар, и почти каждый год орки приходили к берегам Куйвиэнен, чтобы, очистившись, соединиться с Дивным народом. И скоро почти не осталось в Эндоре орков, несколько племен их скрывались в Эфель Дуат, да иногда доходили слухи об урукхай, бежавших в Харад. Говорили еще, что несколько оркских замков остались в Хитаэглире - из тех, кто не пошел в свое время за Таркашем.

Послы разных людских племен приходили в Гильгонд, гномы навещали берега Куйвиэнен, и в земли авари пришли онодримы. Постепенно люди Прирунья соединились в одно Великое

ᚠᚱᚢᚱᚢᚱᚢ :: ᚠ ᚱᚢᚱᚢ ᚱᚢᚱᚢ ᚱᚢᚱᚢ :

Княжество; князья их чтили Влдыку Ильмариона, а он посылал им щедрые дары, и сыны людские учились у Энвиниар, поскольку достигли обновленные мудрости Нолдор и благодсти Ваниар. И пока стояло их королевство, не было у них ни с кем ни войн, ни раздоров.

Звонкими каплями падали годы, и ярким был закат Дивного народа. Множились люди, мир изменялся...И прекрасное видение сияющего города, явленное энвиниарам, когда уходил Оромэ, не оставляло их думы; потому через триста лет после Обновления решили они уйти за Море, и многие эльфы сумерек последовали за ними.

Уходя, эльфы отдали людям свои древние жилища со всеми бывшими в них чудесами и сокровищами. На прощание Ильмарион передал своему другу, Великому Князю Галроду (первому из Великих Князей, кто правил под эльфийским именем) свою корону, изукрашенную сапфирами и жемчугом, и свой скипетр, сказав: “Вы, Послерожденные, отныне правите миром. Поэтому, уходя, мы просим вас: храните светлую прелесть Эндора, как и мы чтили и хранили ее. А нас наши пути ведут туда, где труды наши не будут напрасными.”

И покинуты были эльфами все их земли: берега Куйвиэнен и Хелкаринквэ, Нан Авардор и Эрин Ласгален, Лориен и Итилиен, Имладрис и Линдон. Три тысячи белых кораблей ждали в Митлонде.

Все людские властители Запада, Севера и Востока, короли гномов и старейшины перианов, и даже сам Фангорн вышли проводить Уходящих.

Перед самым отплытием вышел Маглор на морской берег и увидел яркий блеск на песке. Подойдя, разглядел он, что в ожерельи осколков раковин и морской пены, лежит Сильмариль. Поднял его сын Феанора, и не обжег камень рук его, но засиял еще ярче и чище. И, вернувшись, сказал Маглор друзьям и родичам: “Вот знамение того, что правилен наш выбор. Уходя, мы оставляем здесь частицу себя, то, что навеки скреплено нашей любовью к Эндору, но обретаем нечто большее для нас - и вот! - возвращаем утраченное прежде. Доброго же нам пути!”

Три тысячи кораблей, словно бело грудые лебеди, рассекли прибрежную дымку и вспенили холодные прозрачные воды. Стая чаек поднялась им навстречу с дальнего зеленого берега, сладостный ветер ударил в лицо, принеся отзвук пения далекого рога и звон колокола, зажглись огни на белых башнях, и заря приветствовала их...

Так завершились дни Перворожденных в Срединных Землях, и не вернутся они пока Время не иссякнет. И люди пленили сей мир...

Говорят, что в миг их ухода мгла скрыла Куйвиэнен, и прибрежные земли, и Гильгонд, а когда рассеялась она - мир изменился, и на месте священной долины Квэнди легли другие земли, а она ушла из Кругов Мира, подобно Каменному Лону и Хильдориену, и не возвратится в мир, пока он не изменится. Но те из Квэнди, кто не возжелал уйти в Благословенные Земли, могут еще найти путь к берегам, где они некогда обрели бытие...

မှီခိုသော နှင့် ဖွဲ့စည်းသော အဖွဲ့အစည်းများ၏ အကျိုးအမြတ်များ

Oilima Markirya
'The Last Ark'

На последней странице - первая версия стихотворения Толкина “Последний Корабль”, опубликованная в качестве приложения к эссе “A Secret Vice” в сборнике “The Monsters & the Critics and Other Essays”, выполненная Моргул в виде эльфийского манускрипта. Для любителей эльфийского помещаем транскрипцию и английский перевод:

Kildo kirya ninqe
pinilya wilwarindon
veasse lúnelinqe
talainen tinwelindon.

A white ship one saw, small like a butterfly,
upon the blue streams of the sea with
wings like stars.

Veian falastanéro
lótēfalmarinen,
kirya kalliēre
kulukalmalinen.

The sea was loud with surf, with waves
crowned with flowers. The ship shone with
golden lights.

Súru laustanéro
taurelasselindon;
ondolin ninqanéron
Silmeráno tindon.

The wind rushed with noise like leaves of forests,
the rocks lay white shining in the silver moon.

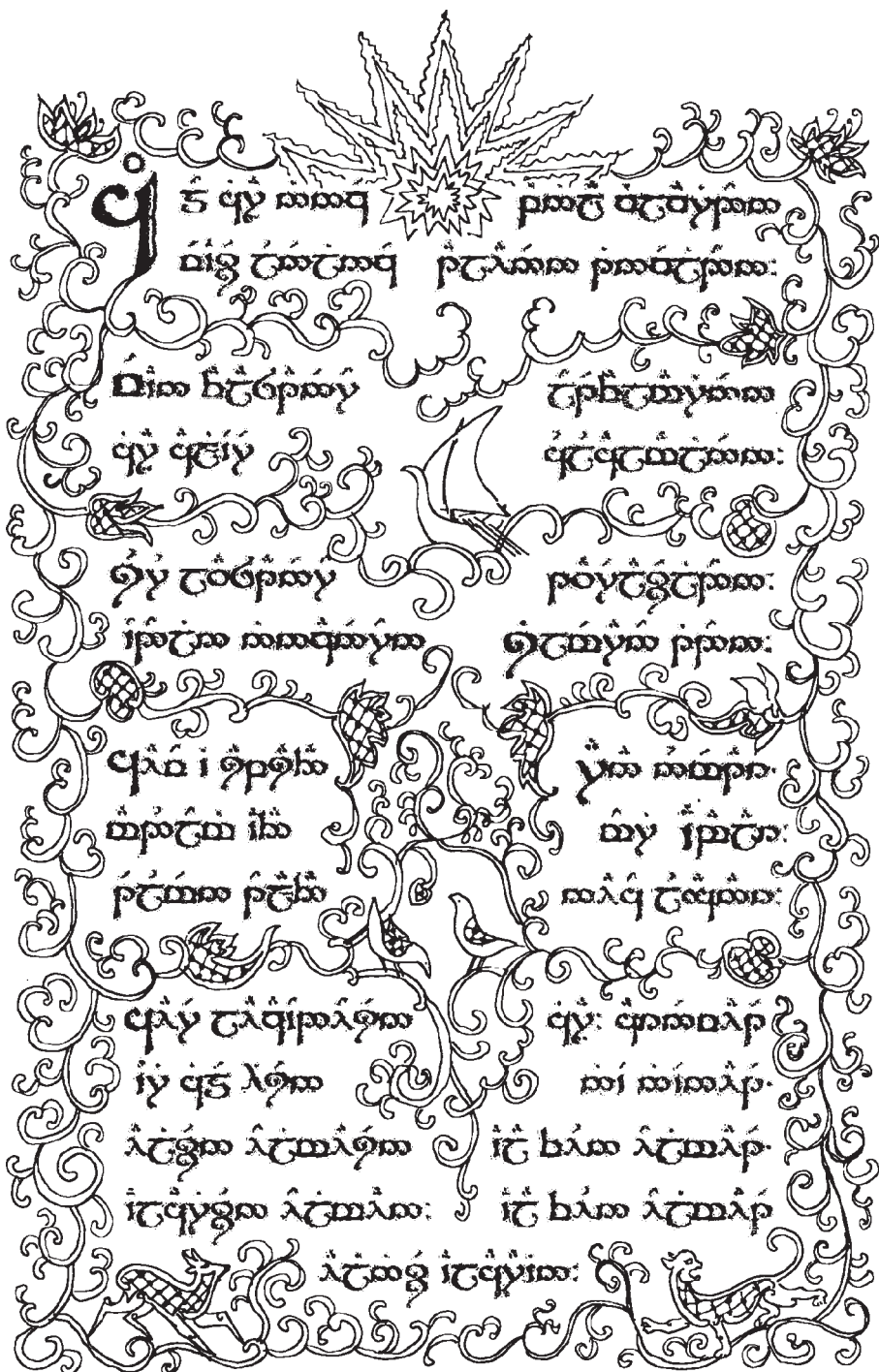
Kaivo i sapsanta
Rána númetar,
mandulómi anta
móri Ambalar;
telumen tollanta
naiko lunganar.

As a corpse into the grave the moon went down in the West; the East raised black shadows out of Hell. The vault of heaven sagged upon the tops of the hills.

Kaire laiqa'ondoisen
kiryä; karnevaite
úri kilde hísen
níe nienaita,
ailissen oilimaisen
ala fuin oilimaite,
alkarissen oilimain;
ala fuin oilimaite
ailinisse alkarain.

The white ship lay upon the rocks; amid red
skies the Sun with wet eyes dropped tears of
mist, upon the last beaches after the last night
in the last rays of light - after the last night
upon the shining shore.

Q

ε εϋ τωσθ ρωσθ ατθγρωσθ
αις τωσθ ρωσθ ρωσθ ρωσθ ρωσθ:

Δις ετθρων

ετθρωνων

εϋ ετθιν

ετθινων:

εϋ τωσθρων

ρωσθρων:

ιρωσθ τωσθρων

ετθινων ρωσθ:

εϋ ι ετθρων

εϋ τωσθρων

τωσθρων ιω

ων ιρωσθ:

ρωσθρων ρωσθ

τωσθρων:

εϋ τωσθρων

εϋ: ετθρων

ιϋ ετθρων

τωσθρων:

ετθρων ετθρων

ετθρων ετθρων

ετθρων ετθρων

ετθρων ετθρων

ετθρων ετθρων

ετθρων ετθρων

ετθρων ετθρων

ετθρων ετθρων